

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш75

Шмырев, Максим.
Ш75 Гавань / Максим Шмырев. — Москва : Эксмо,
2019. — 240 с. — (Мастера прозы).

ISBN 978-5-04-092575-9

«Гавань» представляет собой сплав фантазмагорий в духе Гофмана и Кэрролла с авантюрным сюжетом, напоминающим о «Похитителях бриллиантов» Буссенара. Это рискованное сочетание приправлено скандинавскими сагами и обработками легенд Средневековья. Мир Древа — Великого Ясеня, на котором живут рыцари, карлики, королевы, железнодорожники и снеговики, — существует в особом пространстве, которое только отчасти напоминает земные реалии.

Сюжет произведения начинается за несколько дней до Великого снегопада, когда почти все обитатели Древа впадают в Зимний сон. Но на одной из Ветвей осталась группа неспящих, которые наблюдают совершенно необычные события. Теперь их путь лежит вверх — к Верхушке, где выяснится причина Сбоя. Путешествие на край мира начинается.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092575-9

© М. В. Шмырёв, текст, 2018
© А. А. Просекова, иллюстрации, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Глава I,

в которой перед началом Великого
снегопада происходят удивительные события

...Это напоминает загадку омнибуса, идущего от Пантеона до площади Курсель, который неизменно останавливается возле пришедшего в упадок борделя на улице Четырех ветров, хотя никто там не выходит и не садится и никто не понимает, в чем же тут дело.

Леон Блуа

ИЗ «ПОПУЛЯРНОГО СПРАВОЧНИКА ДРЕВА»

«Есть только Великий Ясень, Иггдрасиль* — Великое Древо. Это очевидно. Некоторые останавливаются на этом. Огромное Древо с тысячекилометровыми ветвями, окружённое своей атмосферой, находится в безжизненной необитаемой пустыне, лишённой воздуха. Оно растёт на земле, которая безвидна и пуста. Его Корни уходят глубоко в почву, питая Древо водными потоками, проходящими на большой глубине. Все попытки покинуть Древо потерпели неудачу: критические минусовые и плюсовые температуры вне атмосферы Древа уничтожали все запущенные аппараты. При этом на самом Древе есть залежи полезных ископаемых (в наростах Кору, представляющие собой горные цепи), земля, источники воды, реки и моря: частично находящиеся на Ветвях, частично — в Ближних снах. Все небесные тела обращаются вокруг Дре-

5

*Многие реалии романа взяты из «Младшей Эдды», в частности Великий Ясень (Великое, или Мировое, Древо), имена героев и т. д. Однако его действие не является переложением скандинавской мифологии. — Прим. авт.

ва. Смена дня и ночи регулярная, ночью солнце скрывается в области тени, зимой оно отдаляется от Древа, и среднесуточная температура снижается.

Происхождение Древа объясняется по-разному. Традиционная точка зрения — что некогда оно было частью Сада, в Новое время все чаще оспаривается. Предполагается, что Древо зародилось само, в бескрайней пустыне и его появление — стечение ряда неизвестных обстоятельств.

6 Наступило утро субботы. Деревья почти сбросили листву, она летела по мостовым, оседала в переулках, плавала в лужах. Кто-то, может быть соседский мальчишка, бил по железной бочке палкой, и гул разносился по всему маленькому городу. Ещё неделю назад это было бы в порядке вещей: шёл прощальный осенний карнавал, маски лукаво улыбались в сумерках, искусники из городских предместий шагали на ходулях, перепрыгивая дома карликов-подземников, выдували красные, жёлтые и синие языки пламени. Но теперь маски висели на стенах, и «бум-бум-бум» звучал необычно, будил мысли, которые уже осваивали пространства Зимнего сна.

Было ещё тепло. На карниз опустилась снежинка и сразу растаяла. Затем — вторая.

Хёд смотрел на Эйр. Она открыла глаза.

— Ты спишь?

— Нет, я только проснулся.

— Мы не спим?

— Ещё нет. Эйр, ты дождёшься меня?

— Не знаю... Мне очень хочется спать. Если я усну, то подожду тебя у водокачки на Краю Света...

Хёд вышел из дома. Сегодня было его последнее дежурство на маяке. Он свернул на дорогу, листья шуршали под ногами — похоже (после того, как умолкла бочка) это были единственные звуки во всём городке. Где-то далеко стрекотал мотор цепеллина, но это могли быть звуки не отсю-

да — перед Зимним сном шумы сновидений бывали слышны и тут, а он всегда помещал цепеллины в свои сны. Хёд дошёл до развилки: направо уходила мощеная дорога, она вела к маяку. А вот налево: по аллее, где кончаются дома, — там поднимался разноцветный мост, напоминавший вкопанное в землю колесо обозрения. Возле него летали воздушные шарики, пахло жареными каштанами, играла музыка. Небо над мостом то темнело, то светлело, будто по нему пробегали облака. «Наш Зимний сон, — подумал Хёд, — наверное, Эйр уже там...»

Дороги в Зимний сон появились во время карнавала: точнее, стали ощутимы: движением ветра, запахом, перезвонном колоколов, ароматом табака, моря — у каждого своё. Постепенно они проявлялись: своя — резко, а чужие — яркими пятнами: разбросанные по улицам рябиновые грозди. Уход в сны начался в четверг вечером, в пятницу ушли почти все: в городке остались только спящие, и аппаратура домов тихо гудела в дежурном режиме — так будет до начала Великого снегопада, всю зиму — пока не наступит Весеннее пробуждение. Не спали только те, кто задержался по служебной необходимости — как Хёд. Он был смотрителем маяка и принимал запоздавшие корабли до окончания навигации.

...Хёд быстро прошёл мимо дороги, ведущей в сон: что-то показалось ему странным, однако он спешил и не стал сосредоточивать на этом внимание.

...Занавески вздувались, принимая ветер. Хёд и Эйр стояли у окна дома, который был расположен на скале, выдававшейся далеко в море. Они стояли и смотрели: как поднимается огромная волна, как её пена смыкается с облаками. И когда волна подошла к самому дому, нырнули прямо в неё, слившись с бурным морским прибором...

Хёд дошёл до маяка и поднялся по лестнице. Сиял фонарь, система управления прозвенела, указывая о прибытии кораблей, и вдаль вытянулись синие энергетические лучи, похожие на причальные тросы. Вскоре в гавань вошли транспорт с Нижней Кроны и пассажирский катер с ближней Ветви.

Экипаж транспорта ушёл в сны прямо на корабле. «Они продолжают плавание, — подумал Хёд, увидев голубые пятна их дорог в Зимний сон. Для пассажиров катера он заказал такси до дежурной гостиницы в центре города. Небо прояснилось, стало почти жарко. Хёд снял куртку. Автоматический грузоприёмник разгрузил транспорт. «Когда проснусь, надо будет его покрасить», — подумал он, отметив, как облупилась краска на его манипуляторах, — похоже, мне пора». Он поднялся наверх, чтобы перевести маяк в дежурный режим. И вдруг раздался звонок: приближался ещё один корабль: его класс автоматика не определила. Хёд спустился и увидел, как корабль тихо подходит к причалу. Никто не вышел на берег. «Уснули они, что ли?» — Хёд прыгнул на палубу.

Ветер донёс издали звонкий гул бочки. Где-то стрекотал цепелин.

8 Хёд внимательно осмотрел корабль. Изящная ладья, с палубой, украшенной яркими тканями, была пуста. На корме он нашёл куклу — девочку с большими глазами и нарисованной слезинкой. И больше никого — только снег, который таял на палубе, растекался синими лужицами. Хёд был в замешательстве. Зачерпнул ладонью снег, — настоящий снег, который он видел в тенистых местах весной. Но ведь до начала Великого снегопада оставалось ещё несколько дней... А в маяке звенели звонки и энергетические лучи тянулись ко входу в гавань. Один за другим прибыли баржа с Нижней Ветви и серебряный катер с Верхних Ветвей Средней Кроны. Вдруг вместо синих лучей брызнули алые — они подхватили нечто напоминающее радужное облако: летающий корабль из Ближних снов. Хёд сверился с расписанием: все суда вышли из портов несколько дней назад и направлялись в другие места. И вот они тут, у него — в снегу, и никого нет на борту.

Манипуляторы взялись за контейнеры на барже, и они осыпались серым пеплом. За ними покрылись лёгкой рябью и начали таять сами корабли.

...Хёд поднял телефонную трубку и набрал номер. Набирать его полагалось в крайнем случае: без особых причин самостоятельно обращаться к Управляющему считалось признаком профессиональной несостоятельности. Его директи-

вы были точны, лаконичны и вполне исчерпывали все возможные ситуации. Но эта явно выходила за рамки инструкций. Однако он не услышал ничего, разве что (если это не помехи) какой-то детский смешок и отдалённый, словно из-под воды, гул железной бочки — словно бы ребёнок колотит в неё где-то на дне моря.

Над вышкой аэродрома, недалеко от маяка, поднимались яркие сигнальные ракеты: сигнал сбора техперсонала Южной станции. Хёд побежал в ту сторону. За его спиной оседали и рассыпались пеплом корабли, ветер разносил их лёгкий прах по причалу, а где-то — то весело, то тревожно — гудела бочка, стрекотал цеппелин и шорохом-щёпотом шумели занавески, колеблемые осенним ветром.

На поляне возле аэродрома, которую они использовали как место сбора, уже были все другие служащие станции. Когда пришёл Хёд, беседа была в самом разгаре. В центре стоял Форсетти — он содержал гостиницу и принимал небольшие воздушные суда на Малом лётном поле — крепкий полноватый мужчина лет под шестьдесят. От Форсетти вкусно пахло ромом и кофе. Его нарядный кафтан был перехвачен кожаным ремнём с небольшим кинжалом сбоку. Возле него, в синей форме и фуражке, прислонился к дереву железнодорожник Хельг — сосредоточенный и серьёзный, молчал, кивая головой в ответ на слова Форсетти. Поодаль стоял летчик Ньёрд — он заведовал Большим лётным полем. На чёрном мотоцикле сидела патрульная автострады — девушка с голубыми глазами и длинными светлыми волосами, которые непонятно как умещались под красным шлемом. Её звали Фрейя. И существо, словно сотканное из радуги, лунных бликов и пыли, которая сияет в солнечных лучах: смотритель Пристаней Ближних снов, Скирнир.

— ...И никого, этот воздушный шар был пуст, только снег! Хотя нет, в углу корзины я нашёл снеговика, с носом-морковкой, руками и ногами из палок! И воздушный шар исчез, почти сразу! Я не успел даже прикоснуться!.. — рассказывал Форсетти.

Хельг перебил Форсетти. Он долго молчал, ему надо было высказаться. И начал, медленно, с паузами:

— Поезд. Сначала прибыл обычный восьмичасовой утренний поезд. Всегда один и тот же поезд. Он всегда приходит последним. Он сегодня пришёл последним. Всё как всегда. А потом... Потом пришёл ещё один поезд. Никогда так не было. Никогда. Ещё один поезд — которого не было в расписании. Ещё один. — Железнодорожник помолчал и продолжил: — Так вот, ещё один поезд. Не знаю, откуда он. Он проскочил станцию. Мне показалось, что кто-то махнул мне из окна. То есть я не уверен, что махнул. Это могла быть занавеска. Но я чувствую, что кто-то махнул. Я знаю, что махнул. Скажу так — я абсолютно уверен, что кто-то махнул. Именно мне. Поезд проехал станцию — вы ведь знаете, перрон небольшой, но он даже не притормозил, он пошёл дальше — в сторону леса, а там тупик; точнее, обычно тупик, а теперь там начинается мой сон: я слышу, уже два дня и две ночи, слышу двое суток, как гудит экспресс, который уедет далеко-далеко — мой экспресс, он ждёт меня. И поезд поехал туда, он въехал прямо в мой сон, я побежал за ним следом, прошёл в свой сон, совсем чуть-чуть, насколько это можно, и видел — точнее, не видел, я больше ничего не видел, потому что тот поздний поезд пропал и мой экспресс пропал, — а он был уже тут, с детьми, провожающими, с этим... этой суетой перед отъездом, когда звучит гудок... когда все садятся по местам!.. Он пропал, теперь там только снег и ржавые старые рельсы, а ведь этого не может быть, в моём сне такие новые блестящие рельсы! Этого не может быть...

Железнодорожник замолчал. Хёд кратко рассказал свою историю.

— У меня тоже была кукла: клоун-карлик... — вставил Ньёрд. — В пустом салоне пассажирского самолёта, у иллюминатора... Вроде как смотрел на облака...

— Я несколько раз пытался связаться с Управляющим. — Мягкий голос Скирнира словно шелестел вместе с деревьями. — И не получил ответа. Молчание по всем каналам. И градоначальник молчит. Наверное, спит.

— У нас так же, — подтвердили железнодорожник и лётчик. Остальные кивнули.

Ньёрд подытожил.

— Мы понимаем, что происходит нечто необычное и даже невероятное. На нашей Ветви — мы немногие, может быть последние, из неспящих. Мы не можем связаться с Управляющим — это ещё удивительнее, чем засыпанные снегом корабли и призрачные поезда. Если мы не покинем Ветвь, то скоро уснём. Никто не может бодрствовать дольше нескольких суток после начала Великого снегопада. А он начнётся уже скоро. Мы должны сообщить об этой ситуации Верхушке Кроны. Похоже, единственная возможность — подняться наверх самим. Ствольные лифты не работают: роботы говорят о перезагрузке системы. Даже если это на самом деле перезагрузка, а не поломка, мы не можем ждать. Нам надо наверх.

12

— Может, правильнее остаться здесь? — спросил Форсетти. — Уснём позднее... А с этой ситуацией разберётся Императорская Специальная Служба Кроны — чуть раньше или чуть позже.

— Я не уверена, что мы уснём, — подумав, ответила Фрейя. — Я сегодня утром завершила все дела и пыталась уснуть и уснула, но это был не глубокий сон, когда осознаёшь, что ты — внутри Зимнего сна и можешь покинуть тело и пойти по своей дороге, нет, это был обычный сон без сновидений, я проснулась спустя час, вышла на улицу и увидела сигнальные ракеты... Нет, я не уверена, что мы уснём, а если и уснём — что произойдёт тогда...

— Безопасность города и станции обеспечат охранные системы, тут всё спокойно, а если бы и иначе — не думаю, что мы вшестером смогли бы этому помешать. Надо ехать, — уверенно сказал Ньёрд.

— А на чём?.. — вставил Хёд.

Перед этим он думал совершенно о другом и почти не принимал участия в разговоре. Он боялся проверить свои предположения и отгонял от себя эти мысли. Но они упорно приходили ему в голову. После рассказа железнодорожника об экспрессе, он думал только об этом.

Железнодорожник покачал головой.

— Есть мой старый двухместный аэроплан. Но он в ремонте, работы на несколько дней, — заметил Ньёрд. — И лететь смогут только двое.

— И стать призраками, как воздушный шар, или превратиться в снеговиков... — усмехнулся Форсетти. — Я бы не рекомендовал...

— Можно попробовать пройти по побережью Ближних снов до Верхней Кроны... Правда, перед Великим снегопадом там усиливаются пространственно-временные искажения... — прозвенел, как колокольчик, голос зрителя Пристаней.

— Вообще-то на шоссе спокойно... То есть там ничего чудесного не произошло, никаких призраков... Последний автобус ранним утром пришёл из Яблоневых сел, — как обычно... — отметила Фрейя.

Девушка расстегнула и снова застегнула молнию на ярко-красной куртке. Она волновалась.

— Мы могли бы поехать на мотоциклах Патруля, все остальные патрульные уже спят. Ещё есть джип. Доедем до Большой эстакады, а там — несколько дней пути... Теоретически... На Верхушку Кроны давно никто не ездил по этой дороге...

— Пожалуй, это лучший вариант, — ответил Скирнир.

Остальные его поддержали.

— Сбор — через час, у здания патруля, — предложил лётчик. — И вооружитесь чем можете...

Все согласились и пошли собираться. Поляна опустела.

Из-за дерева выглянул снеговик.

* * *

...Хёд добрался до дома. Несколько раз он переходил на бег и вот, запыхавшись, открыл дверь и вошёл внутрь. Дом был готов к Зимнему сну. Все вещи лежали на своих местах, реактор тихо гудел в дежурном режиме. Ещё несколько часов назад он был уверен, что днём ляжет на кровать, рядом с Эйр, и, покинув «тяжёлое» тело, в лёгком эфирном облике отправится в их общий сон — к мосту и воздушным шарикам, лесу, за которым блестит водокачка на Краю Света. Но сейчас он медлил. Хёд видел — Эйр уже ушла в сон. Перед ним была чуть тёплая статуя. Он поднял её, сильно встряхнул, пытаясь разбудить, хотя знал — пробудить человека, ушедшего в Зимний сон, почти невозможно.

Она смотрела на него.
— Ты спишь?
— Нет, проснись!..
— Мы не спим?
— Где ты, Эйр, скажи!
— Не знаю. Я буду ждать тебя у нашей водокачки на Краю Света...

Она закрыла глаза.

Но он знал, что не сможет попасть туда. Уже в конце встречи на поляне он понял, что показалось ему странным, когда он проходил мимо моста, уводящего в сон. За разноцветным жёлто-сине-зелёным лесом он не увидел далёкого, хорошо знакомого ему силуэта водокачки. Когда он вернулся, мост уже поблек, сдувшиеся воздушные шарики лежали на земле. Вход стал серым, словно занавешенным дождём, и медленно таял в воздухе. Хёд попробовал пройти вперёд, но не смог — словно пытался нырнуть в очень солёную воду, которая выталкивает обратно. Он не знал, куда попадёт, если уснёт. Но был уверен — их сон для него уже закрыт. И не знал, где Эйр.

ИЗ СТАТЬИ В ШКОЛЬНОМ УЧЕБНИКЕ ХЁДА
Зимний сон — особое состояние, в которое впадают обитатели Верхней, Средней и Нижней Кроны Древа, а также Ближних снов и, частично, Сумеречной Зоны (предместий Хель). Начинается в октябре–ноябре (до Великого снегопада), продолжается до марта–апреля (Весеннего пробуждения). Во время сна физическое тело находится в состоянии, схожем с анабиозом, — все жизненные функции сведены к минимуму. Лёгкое «эфирное» тело (также называемое душой) в это время отправляется в Сон: собственный или общий с кем-то (порой — соединённый переходами). Искусство построения сна является одним из важнейших навыков обитателей Древа. Дети уходят в сны в сопровождении родителей,

первый самостоятельный сон разрешается только при достижении совершеннолетия и контролируется Наблюдателями из Ближних снов.

ПРИПИСАНО ХЁДОМ

А этой зимой мы пойдём с отцом под парусами к островам!

Глава II,

в которой герои собираются в путешествие и сталкиваются с непредвиденными обстоятельствами, а также снеговиком и карликом

— Слышишь, как снег шуршит о стёкла, Китти? Какой он пушистый и мягкий! Как он ласкается к окнам! Снег, верно, любит поля и деревья, раз он так нежен с ними! Он укрывает их белой периной, чтобы им было тепло и уютно, и говорит: «Спите, дорогие, спите, пока не наступит лето». А восстав от зимнего сна, Китти, они наденут зелёный наряд и пустятся в пляс на ветру. Ах, как это красиво! — Тут Алиса захлопала в ладоши и опять уронила клубок. — Хорошо бы всё это и вправду так было! Ведь осенью лес и в самом деле такой сонный. Листья деревьев желтеют — и он погружается в сон.

Льюис Кэрролл

16

Ньёрд собирал вещи в доме у лётного поля. Побрился, взглянул в зеркало: светловолосый молодой человек, чуть за тридцать, с тонким шрамом на щеке, ясными, но серьёзными, грустными глазами, видевшими три военные кампании.

...Винт самолёта встал, от него тянулась тёмная струя дыма. Почти вся эскадрилья была уничтожена, ещё два маленьких красных самолёта крутились где-то в высоте, отбиваясь от огромных крылатых рептилий. Самолёты должны были заходить волнами — здесь, на Нижних Уровнях Кроны, работало только механическое вооружение. Их цель — эскадра противника — находилась на якорной стоянке в глубине залива Тёмного острова, её путь лежал вверх по течению — к портовым городам Нижней Кроны. Воздушная атака была призвана предупредить вторжение. Уже обогнув Ветвь и влетев в отверстие Южного дупла, они поняли, что попали в ловушку. Вероятно, земноводные драконы прятались на мелководье. Когда эскадрилья приблизилась, они поднялись вверх. Истребители были уничтожены почти сразу, немногие торпедоносцы вышли на боевой курс:

«Бросай, бросай, ради всего святого, Ньёрд...», — закипел и остыл крик в наушниках.

Его торпеда попала в нос линкора, взрыв высоко подкинул башню. По самолётам стреляли из всего что может стрелять: арбалетные стрелы летели вместе с трассирующими пулями пулемётов и осколками шрапнели.

Стрела рассекла щёку, кровь стекала и размазывалась по кабине...

Ньёрд активировал защитную систему: в разные стороны разлетелись красные шарики-сторожи. Между транспортными учреждениями Южной Станции, находившимися недалеко друг от друга, действовала канатная дорога, но она была отключена на зиму: оранжевая кабинка покачивалась возле опоры. Ньёрд решил пойти напрямик через лес — пост Патруля располагался в поле, в трёх километрах от аэродрома. Лес был сумеречным, шумели тяжёлые ветви, напоминающие корни огромных растений, которые проросли сверху — из низкого серого неба. Он вышел на опушку и увидел впереди здание Патруля. Открытая дверь скрипела на ветру. Ньёрду вспомнилось, как он стоял, опираясь на крыло сбитого самолета, а в небе летели огненные, фиолетово-оранжевые драконы, которые выпускали длинные языки пламени; разбитое крыло скрипело, и он понимал, что надо спрятаться, потому что скоро на охоту выйдут болотные огоньки, но вокруг были топи. Он так ясно увидел это, что насторожился и снял карабин с предохранителя. И услышал выстрел.

...Ньёрд заметил Фрейю, которая стояла у мотоцикла на дороге и напряжённо смотрела на него: она закусила губу и чуть заметно кивнула головой в сторону здания. Он понял, что девушка под прицелом, а дальше — чёрное пятно на дороге — чьё-то тело. В дверном проёме Ньёрд увидел фигуру и выстрелил по ней, Фрейя упала на землю, он выстрелил ещё несколько раз: пули с сухим треском пробивали стену. Из окна высунулся ствол, раздался выстрел, а потом ещё и ещё один со стороны леса — это открыл огонь подоспевший Хёд. Зазвенело разбитое стекло.